Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

О вишневых садах и грушевых полянах

05.12.2023.



Луис Мелендес. Натюрморт с тарелкой груш и вишен, 1773 г. Музей Прадо, Мадрид

Роман грузинской писательницы Нана Эквтимишвили «Грушевая поляна», вышедший во французском переводе в лозаннском издательстве Éditions Noir sur Blanc, был представлен на прошедшем в Париже фестивале «Уик-енд на востоке», гостем которого в этом году был Тбилиси.

Если имя автора ничего вам не говорит, то рады представить: Нана Эквтимишвили родилась в 1978 году в Тбилиси, где изучала в университете философию, а затем, уже в Германии, сценарий и драматургию. На фестиваль в Париже она приехала и как литератор, и как кинорежиссер: в программу был включен ее фильм «Эка и Натия, хроника грузинской молодежи», снятый вместе с Саймоном Гроссом, отмеченный критиками как «зарождение новой грузинской волны» и выдвинутый Грузией на премию «Оскар» в 2014 году, а также презентация французского

перевода романа «Грушевая поляна», номинированного в 2021 году на премию Booker Prize International и Warwick Prize for Women in Translation. (Заметим, что русский перевод романа вышел в 2022 году.) Нана Эквтимишвили относится к тому поколению грузин, которое либо уже подзабыло русский язык, либо отказывается на нем говорить из принципиальных соображений. Что, разумеется, нисколько не умаляет достоинств книги, которая нам очень понравилась.



Увидев ее название, «Грушевая поляна», сразу подумалось о «Вишневом саде» - в связи с общей «фруктовостью». А после прочтения стало ясно, что и в содержании есть параллели: как Чехов описывает закат «дворянской России» и изменения, привносимые в ее уклад новыми людьми, так и Нана Эквтимишвили описывает Грузию, приспосабливающуюся к новой жизни после распада СССР. Антон Павлович назвал свою грустную пьесу комедией, а в грушах Наны явно ощущается вишневая кислинка.

В центре повествования – самая беззащитная, самая уязвимая часть любого общества, но особенно в бедной стране: дети с физическими или умственными недостатками, живущие в интернате, который окружающие политически не корректно называют школой для идиотов. В интернате живут как сироты, так и дети, чьи родители просто не в состоянии их растить и воспитывать – у них нет на это денег. Трудно представить себе, что подобные заведения существуют в Грузии, стране, где царит культ семьи, но это горькая правда: они стали реальностью после гражданской войны. И какое счастье, что сегодня они практически исчезли.

Но о том, что они были, мы знаем не понаслышке, а от знаменитого грузинского баса Пааты Бурчуладзе, в 2004 году основавшего благотворительный фонд «Иавнана», что в переводе на русский означает «Колыбельная». Целью фонда было обеспечить приют сиротам и детям, лишенным родительской опеки, собирая для этого фонды через многочисленные акции-концерты как в Грузии, так и за ее пределами. В результате работы фонды более тысячи детей вернулись домой, многие молодые люди получили квартиры, высшее образование.

Очевидно, обитателям интерната в пригороде Тбилиси, на улице Керчинской, повезло меньше: главная героиня, Лела, которой по возрасту давно пора покинуть стены этого «богоугодного заведения», продолжает жить в интернате просто потому, что ей некуда больше идти. И Нана Эквтимишвили тоже знает об этом не понаслышке – по соседству с описанным ею интернатом прошли ее детство и юность, а потому у большинства персонажей есть реальные прототипы, за исключением Лелы – «гибрида» из нескольких известных автору людей. С описания этой улицы, единственной в этом пригороде Тбилиси, имеющей название, которое она получила в 1974 году, в честь города в Крыму, где в октябре 1942 года фашисты уничтожили 160 тысяч пленных, начинается роман. Видимо, как бы ни хотела современная Грузия дистанцироваться от советского прошлого, как бы стремилась, используя слова героини Гульнары, «не оборачиваться назад», на практике это оказывается не так просто.

Интересно, что при том, что интернатские дети идиоты по определению, нередко их реакции и поступки более «нормальны» и, главное, человечны, чем у «нормальных» взрослых. В качестве примера приведу описание того, как взрослые оправдывают водителя, сбившего одного из интернатских мальчиков, Серго: «Это наверняка не

плохой человек… Говорят, он не согласился, чтобы труп положили в цинковый гроб, но заказал деревянный и взял на себя расходы по похоронам… Если бы не он, мы бы похоронили этого несчастного ребенка, как хоронят бездомных: без имени и без надгробия». Трагедия смерти ребенка отходит для них на второй план.

Не зря Ленин всем искусствам предпочитал кино, в силу, как вы помните, его массовости: можно предположить, что больше людей увидят фильмы Наны Эквтимишвили, чем прочитают ее книги. Но при всех преимуществах кинематограф, одного он не может точно: передавать запахи. А книга Наны Эквтимишвили наполнена ими, хоть и, в большинстве своем, не приятными, начиная с запаха Интерната, который почувствуешь, даже если обоняние отбило. В повествовании перемешались запахи лестницы, мочи, хозяйственного мыла, дешевой еды, даже запах «пиписки» Марики, девочки, живущей в соседнем доме, – воняет всё. На этом фоне такими привлекательными кажутся груши, растущие в граничащем с интернатом поле, где все время стоит вода, но и они оказываются безвкусными. Кажется, сама природа против обездоленных детей, не давая им полакомиться плодами. Согласитесь, совсем иные воспоминания хранит обоняние побывавших в Грузии людей, то туризм – это одно, а повседневная жизнь – совсем другое. Зато не разочаровывают имена: есть среди героинь и Венера, и Мадонна, и сразу всплывает в памяти чудесное стихотворение «Грузинских женщин имена» Беллы Ахмадуллиной, как и все русскоязычные поэты обожавшей Грузию.

У грушевых деревьев, заброшенные человеком, стволы низкие, крепкие, в узлах. Их переплетенные ветви опускаются до земли. Каждый год деревья приносят крупные груши, зеленые и гладкие. Никто их не собирает, потому что они не успевают созреть до наступления холодов, а может, потому что вода пропитала мякоть этого странного фрукта, сделав его слишком водянистым. Если кто сорвет грушу и откусит кусочек, то сразу почувствует, что она твердая как камень. И совершенно безвкусная. [] Когда Лела пересекает поле, сердце ее колотится, и она думает о том, удастся ли ей выйти из этого проклятого места. Пронизанная страхом, она воображает, что грушевые деревья схватят ее и повалят. Что мягкая почва осядет под ее весом, корни накроют, и похожая на губку земля поглотит ее навсегда.

Важная сюжетная линия в книге связана с Ираклием, трогательным мальчиком, над которым в какой-то степени шефствует Лела, мама же долгое время его не навещала, а потом и вовсе уехала на заработки в Грецию, даже не предупредив. Но вот, кажется, Ираклию улыбнулась удача: его хочет усыновить американская пара, однако в последнюю минуту Ираклий, по решению автора романа, сбегает из аэропорта и возвращается в интернат. Почему? Боится перемен или продолжает надеяться, что мама за ним приедет?

В книге Наны Эквтимишвили затронуты очень важные и крайне болезненные темы детской беззащитности перед произволом и безнаказанностью взрослых, детской проституции, насилия против самых слабых со стороны как взрослых, так и сверстников, насилия, ставшего обыденностью, чуть ли не нормой. Недаром с самых первых страниц читатель узнает, что Лела мечтает убить учителя Вано, закоренелого педофила, через «учебный кабинет» которого проходят все поступающие в интернат девочки и в свое время прошла она сама. Читать яркие, рельефные, кинематографические описания этих сцен очень тяжело. Однако жаль, что ведущая встречи с Наной Эквтимишвили в Париже сконцентрировала свое внимание практически исключительно на них, совершенно оставив в стороне нежность и доброту, которые словно подснежники сквозь снег пробиваются сквозь

твердый панцирь сурового мира, в котором лишенным ласки и тепла интернатским детям приходится преждевременно взрослеть: единственный вкусный запах в романе исходит от стола хлебосольной женщины, живущей в доме рядом с интернатом и всегда старающейся чем-то угостить его воспитанников. Запах дома.

Именно эти проблески человечности кажутся нам самыми надежными вестниками перемен к лучшему в этой книге, и совершенно чудесна одна из последних ее сцен, где несколько детей под предводительством уже имеющей необходимый опыт Лелы отправляются в соседний сад воровать вишни, а может, черешни, ведь обе ягоды в изобилии растут в Грузии. Вот этот трогательный фрагмент, как и другие цитаты - в нашем переводе. Лела «прижимается щекой к шероховатой коре, закрывает глаза и на секунду застывает. Она обнимает дерево, как если бы оно было живым существом, с которым она воссоединилась после долгих лет разлуки. Вишневое дерево все такое же, неподвижное, словно эта встреча смутила его и лишила дара речи. Только легкий ветер нежно ласкает ветви. <> Нагруженное воришками дерево медленно раскачивается, но корни прочно удерживают его в земле. Оно приняло маленьких посетителей, как мать принимает своих проголодавшихся детей, вернувшихся домой; она ласкает их, усаживает на колени и говорит с ними вполголоса, чтобы не потревожить соседей и не накликать сглаз. Шелестят листья. Под чьей-то ногой трескает ветка. Все замирают в ужасе и перестают дышать, ожидая чего-то плохого. Но повсюду царит тишина и слышен лишь стрекот цикад».

Ну разве не прекрасно? И разве этот чудесный, пронзительный образ не сильнее наносной жесткости стиля, разве не обнажает он главное: нежную, обнаженную, незащищенную сущность брошенных детей, так нуждающихся в доброте, в ласке, в обнимающих их руках?

Так выпьем же за то, как говорят в Грузии, чтобы детские дома поскорее стали пережитком прошлого, чтобы все наши дети росли в мире и в любви, и чтобы им доставались самые сладкие фрукты. От нашего стола – вашему столу. И обратно.

[современная грузинская литература]
[грузинская литература на французском]
[грузинская литература во французских переводах]

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/sur-les-cerisaies-et-les-vergers-de-poires*